

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Рассказова А.В.^{a, b, *}, Зейфер В.А.^c, Мазурок О.И.^d

^a Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский проспект, 32а, Москва, 119334

^b НИИ и Музей антропологии МГУ, ул. Моховая, 11, Москва, 125009

^c Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117292

^d Переславль-Залесский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
Музейный переулок, 4, Переславль-Залесский, 152024

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru (Рассказова А.В.); boatswain.72@mail.ru (Зейфер В.А.);
sfabr2@yandex.ru (Мазурок О.И.)

МАССОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ПЕРЕСЛАВЛЕ-ЗАЛЕССКОМ

Статья посвящена антропологическому исследованию массового захоронения XIII–XIV вв. Цель работы — краниологическое исследование и выяснение обстоятельств образования массового захоронения. Установлено, что население Переславля формировалось под влиянием северо-западного и южного потоков славянской миграции. Влияние же древней финно-угорской антропологической компоненты на городское население XIII в. незначительно. Сделан вывод о одновременной гибели жителей города в результате военного столкновения

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, городское население, массовое захоронение, русские, средневековые города.

Введение

Переславль (Переславль-Залесский) был основан князем Юрием Долгоруким в середине XII в. [ПСРЛ, 1921, с. 77]. Город входил в состав Ростово-Суздальской земли. С 1212 по 1302 г. был центром удельного Переяславского княжества. После 1302 г. Переяславское княжество, юридически отошедшее к землям великого княжества Владимирского, существовало в политическом союзе с Москвой [Кучкин, 1984, с. 139].

Особенностью природных условий региона является наличие большого водоема: озера Плещеево (в русском летописании Клецино), ключевого звена одного из вариантов Волжского пути, соединявшего северо-западные земли с северо-востоком [Рыбаков, 1948, с. 349]. Следует предположить, что изначально Переяславль являлся сторожевым и административным пунктом на торговой магистрали для поставок хлеба из опольной суздальской земли в Новгород. Город был заложен на правом берегу р. Трубеж, на пустом ранее незаселенном месте [Воронин, 1961, с. 86–87]. В отличие от болотистой низины, в которой располагалась крепость, высокие берега озера были освоены ранее XII в. многочисленным славяно-финским населением.

В целом земли Волго-Клязьминского региона были освоены славянами еще в третьей четверти I тыс. н.э. Характерным элементом древностей этой племенной группировки славян являются браслетообразные височные кольца со сходящимися или заходящими друг на друга концами [Седов, 2002а, с. 157, 159]. Мерянская этническая общность в районе озер Неро и Клецино образуется под воздействием притока финноязычного населения из бассейна Средней Оки [Леонтьев, 1996, с. 21]. В.В. Седов выдвинул гипотезу о славянской основе мери в результате миграции в VI–VII вв. нового населения из Средней Европы. А.Е. Леонтьев, признавая важность фактов, положенных в основу этой концепции, напомнил, что летопись отрицает славянство мери, относя ее к «иным языцам» [2012, с. 163]. Палеоантропологические же материалы, которые позволили бы пролить свет на антропологический тип носителей мерянской культуры, совершенно неизвестны.

В X в. начинается новый приток славянского населения. В.В. Седов отмечает, что курганные материалы Северо-Восточной Руси выявляют два направления движения славянского населения в X–XI вв.: ильменских словен через бассейн Мологи и смоленско-полоцких кривичей, двигавшихся вдоль Волги и оседавших в Ростово-Суздальской земле среди раннеславянского и словенского населения [Седов, 2002а, с. 159]. Постепенно в процессе взаимодействия финноязычной мери и славянского населения происходило становление древнерусского населения Ростово-Суздальской земли [Седов, 2002b, с. 395].

* Corresponding author.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

Несмотря на важное место Переславля-Залесского в истории Северо-Восточной Руси и Русского государства, до недавнего времени с палеоантропологической точки зрения он совершенно не был изучен. Первые палеоантропологические исследования города связаны с обширными спасательными археологическими работами Института археологии РАН, начатыми в 2012 г., и посвящены исследованию некрополей XV–XVII вв. [Зейфер и др., 2014, 2016; Рассказова, 2019, 2020].

В 2016 г. в Переславле-Залесском, во время охранных археологических исследований Института археологии РАН, было обнаружено массовое скопление человеческих останков. Комплекс первоначальной городской застройки кремля включал котлованы построек XIII–XIV вв. [Зейфер и др., 2019]. Захоронение располагалось в подполе сгоревшей постройки. Предварительная датировка, выполненная на основании анализа массового керамического материала и индивидуальных находок (среди которых фрагменты стеклянных браслетов и височные кольца), указывает на то, что погребение было совершено в период XIII — середины XIV в. [Рассказова и др., 2019]. Эта самая ранняя находка палеоантропологического материала, зафиксированного на территории города. Комплекс представляет огромный интерес, как с антропологической, так и с исторической точки зрения.

Целями настоящего исследования являются: краниологическое исследование, выявление антропологических связей средневекового населения Переславля-Залесского, а также выяснение обстоятельств образования массового захоронения на территории города с привлечением антропологических методов.

Материалы и методы

В исследованном массовом погребении все кости находились не в анатомическом порядке, и определить их принадлежность к конкретным индивидам не представлялось возможным. Минимальная численность индивидов в массовом захоронении устанавливалась путем определения максимального количества костей одного типа. Проводился подсчет лобных костей с сохранившейся областью точки *glabella*, затылочных костей с сохранившейся областью точки *opistion* и нижних челюстей с сохранившейся областью точки *gnation*. Проводилось суммирование количества целых черепов и черепных крышек с максимальным количеством фрагментов костей лобного отдела, затылочного отделов черепов или нижних челюстей. Также рассчитывалось максимальное представленное количество парных костей посткраниального скелета по одной стороне тела и крестцов. Пол и возраст определялись по черепу, так как тазовых костей было значительно меньше. Определение пола и возраста проводилось по стандартной методике, принятой в классических палеоантропологических работах [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–34]. Также на краниологическом материале были проведены исследования травматических повреждений. Краниологическое исследование выполнялось по стандартной программе [Алексеев, Дебец, 1964, с. 52–74]. Программа исследования включала 28 линейных и угловых размеров и расчет по ним 2 указателей. Всего было изучено 28 мужских и 16 женских черепов.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета программ STATISTICA 12. Для определения основных антропологических компонентов в составе погребенных был использован межгрупповой канонический дискриминантный анализ. В качестве сравнительного материала в анализ были включены близкие по времени краниологические серии с территории Восточной Европы с численностью индивидов, достаточной для статистической обработки.

Анализ был выполнен с помощью программы MultiCan [Гончаров, Гончарова, 2016]. Были вычислены расстояния Махаланобиса между группами в пространстве всех канонических переменных. Для оценки сходства между группами использовался квадрат расстояния Махаланобиса с поправкой на численность [Rightmire, 1969]. Этот способ позволяет учитывать вклад всех канонических переменных в общую межгрупповую изменчивость.

Результаты

Палеодемография. В процессе разбора останков из погребения обнаружено большое количество целых костей животных (коров, лошадей и собак) без следов разделки и кулинарной обработки. В исследованном массовом захоронении находились останки не менее чем 99 человек, из них 80 взрослых и 19 детей (23,7 %). Пол и возраст удалось определить у 54 взрослых индивидов. Мужских погребений 55,6 % (30 индивидов), женских — 44,4 % (24 индивида). Распределение индивидов по полу и возрасту представлено на рис. 1. В мужской части группы представлены практически все возрастные интервалы с наибольшей численностью в 30–40 лет и старше 45 лет. Женская часть группы в основном представлена индивидами 20–35 лет с наибольшей численностью в интервале 25–29 лет и постепенным снижением к старшим возрастным интервалам.

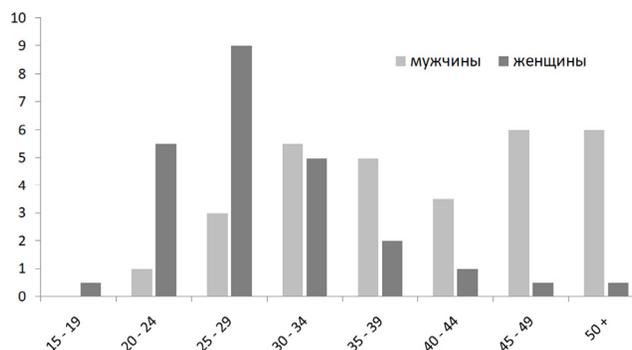

Рис. 1. Частота встречаемости индивидов в серии по полу и возрасту.
Fig. 1. Sex and age distribution of individuals in a mass burial.

Травматические повреждения, причиненные боевым оружием. При исследовании травматических повреждений было отмечено 11 случаев травм черепа без следов заживления или некротического процесса. Расположение и характер этих повреждений позволил классифицировать их как травмы, несовместимые с жизнью, нанесенные индивидам незадолго до смерти. Обнаружено два случая рубленых ран. Рубленая рана скулы с повреждением нижней челюсти (рис. 2, 1). Удар нанесен острым рубящим оружием по направлению сверху вниз, возможно, нападающий был верхом. Рубленая рана затылка. Расположение и характер удара указывают, что удар был нанесен по лежащему на земле человеку (рис. 2, 2). Остальные девять случаев незаживших травм черепа представлены дырчатыми переломами с радиальным растрескиванием (рис. 2, 3). Они обнаружены в области лобных, теменных или затылочных костей. Возможно, это последствия удара тупым предметом с ограниченной поверхностью, по типу кистеня.

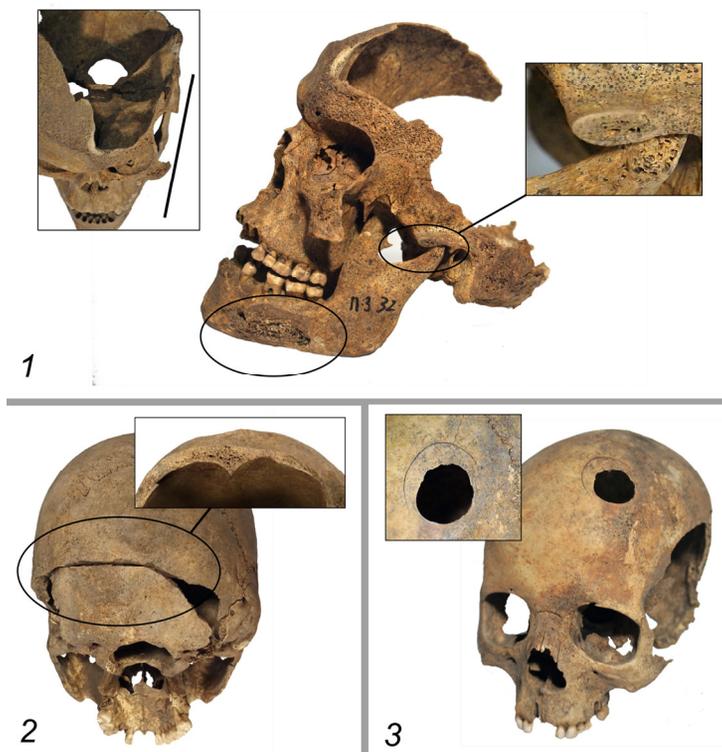

Рис. 2. Травмы черепа:
1 — рубленая рана скулы с повреждением нижней челюсти; 2 — рубленая рана затылка;
3 — дырчатый перелом лобной кости.

Fig. 2. Injuries to the skull:
1 — sword wound on the cheekbone and the lower jaw; 2 — sword wound on the occipital bone;
3 — perforated fracture on the frontal bone.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

Краниологическое исследование. Основные статистические параметры мужских и женских черепов представлены в табл. 1. Мужские черепа из коллективного захоронения долихокраничные, все основные размеры и диаметры черепной коробки относятся к категории средних величин, кроме поперечного диаметра черепа, попадающего в категорию малых размеров. Верхняя высота лица малая. Скуловой диаметр, верхняя и средняя ширина лица попадают в категорию средних размеров, вертикальный фацио-церебральный указатель попадает в категорию малых размеров, поперечный фацио-церебральный указатель — в категорию больших. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам. Грушевидное отверстие узкое, высота носа малая, нос мезоринный по указателю, выступание носовых костей относительно профиля лица большое. Переносье широкое и высокое, симотический указатель большой. Орбиты низкие, среднеширокие, мезоконхные по указателю.

Таблица 1

Основные статистические параметры краниологической серии из массового захоронения с территории Переславля-Залесского

Table 1

The main statistical parameters of the craniological series from mass grave from Pereslavl-Zalesky

№ по Мартину	Признаки	Мужчины			Женщины		
		N	M	SD	N	M, мм	SD
1	Продольный диаметр	28	183,3	5,6	15	174,6	4,2
8	Поперечный диаметр	26	137,1	2,7	13	136,8	5,0
8/1	Поперечно-продольный указатель	26	75,0	2,1	13	78,5	2,5
17	Высотный диаметр	27	136,4	6,0	13	128,3	4,7
5	Длина основания черепа	27	103,2	4,4	10	99,1	3,8
11	Ширина основания черепа	25	123,8	4,4	12	118,8	4,5
9	Наименьшая ширина лба	28	97,1	4,4	16	97,3	5,2
10	Наибольшая ширина лба	28	116,6	4,4	13	114,3	4,4
12	Ширина затылка	26	109,0	5,7	11	106,8	3,2
40	Длина основания лица	18	100,1	4,7	6	98,4	
45	Скуловой диаметр	16	134,1	3,6	7	123,9	2,7
48	Верхняя высота лица	21	68,7	4,5	13	66,4	4,1
48/45	Верхний лицевой указатель	14	53,1	2,5	7	52,5	2,9
45/8	Поперечный фацио-церебральный	14	98,0	2,2	5	93,5	
48/17	Вертикальный фацио-церебральный	18	51,0	3,0	10	51,9	4,2
43	Верхняя ширина лица	28	105,5	3,9	15	103,7	3,9
46	Средняя ширина лица	19	96,6	4,9	8	93,4	2,9
55	Высота носа	21	49,0	2,6	13	48,4	3,8
54	Ширина носа	18	24,1	1,3	10	24,2	1,8
54/55	Носовой указатель	18	49,4	3,4	10	51,1	5,1
52	Высота орбиты	21	31,6	1,7	12	31,0	1,4
51	Ширина орбиты от mf	21	41,0	1,4	12	40,4	1,4
52/51	Орбитный максиллофронтальный указатель	21	77,3	4,3	12	76,8	3,7
43[1]	Биорбитальная ширина	23	98,7	3,5	12	96,5	2,5
77	Назомалярный угол	18	139,4	3,9	7	137,3	4,5
<Zm'	Зигомаксиллярный угол	18	128,3	5,8	7	125,6	3,0
SC	Симотическая ширина	20	10,4	1,2	11	11,0	2,2
SS	Симотическая высота	20	5,0	1,3	11	4,5	1,0
SS/SC	Симотический указатель	20	48,3	10,8	11	41,2	7,4
MC	Максиллофронтальная ширина	19	22,7	2,1	10	22,0	1,8
MS	Максиллофронтальная высота	19	9,3	1,6	10	9,1	0,8
MS/MC	Максиллофронтальный указатель	19	41,1	7,8	10	41,5	5,7
75[1]	Угол выступления носа	15	30,7	4,8	9	26,2	4,2

Примечание. Случаи превышения пределов средних величин квадратических отклонений выделены полужирным шрифтом.

Женские черепа мезокраничные, все основные диаметры черепной коробки относятся к категории средних величин, длина основания черепа, наименьшая ширина лба попадают в категорию больших величин. Скуловой диаметр, верхняя высота лица и средняя ширина лица, поперечный и вертикальный фацио-церебральные указатели попадают в категорию средних размеров, верхняя ширина лица — в категорию больших. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам, нос сильно выступает к линии профиля. Переносье широкое и высокое, симотический указатель большой. Орбиты

низкие, малые по ширине, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие и высота носа средние, нос мезоринный по указателю.

Таблица 2

Квадратичные расстояния Махаланобиса между серией из массового захоронения в Переславле-Залесском и близкими по времени сериями с территории Восточной Европы. Мужчины

Table 2

Squared Mahalanobis distances between a series from a mass grave in Pereslavl-Zalessky and contemporary series from Eastern Europe. Men

	Серия	Датировка, вв.	Автор
0,8	Кривичи смоленско-тверские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
0,9	Смоленские кривичи	XII–XIII	Алексеева, 1973
0,9	Поляне переяславские (курганы)	VIII–X	Алексеева, 1973
0,9	Смоленские кривичи	X–XII	Алексеева, 1973
1,0	Поляне (курганы)	IX–XIII	Алексеева, 1973
1,2	Тверские кривичи	X–XIV	Алексеева, 1973
1,3	Волосово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,5	Муранский и др. (средневековая мордва)	X–XIII	Алексеев, 1969
1,6	Волгово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,7	Поляне черниговские	XI–XIII	Алексеева, 1973
1,7	Северяне (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
1,7	Поляне черниговские (курганы)	VIII–X	Алексеева, 1973
1,7	Дреговичи восточные и западные	X–XIII	Алексеева, 1973
1,7	Дреговичи восточные и западные	X–XIII	Алексеева, 1973
1,8	Московская и Рязанская (вятичи)	XII–XIII	Алексеева, 1973
1,8	Галич	X–XIII	Рудич, 2011
1,9	Рутелицы. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XV	Седов, 1952
1,9	Борницы и др. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
1,9	Любеч	XI–XII	Алексеева, 1973
1,9	Поляне переяславские (курганы)	XI–XII	Алексеев, 1969
2,0	Артюшино, Городня, Рогатино, Торосово, Ущевицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
2,0	Володино. Ижорское плато (словене)	XI–XIII	Гончарова, 2000
2,1	Ярославль. Рубленый город	XIII	Гончарова, 2011
2,2	Вятичи, верховья Москвы и Истры	XII–XIII	Алексеева, 1973
2,3	Дмитров	XII–XVI	Гончарова, 2011
2,3	Радимичи	XI–XII	Алексеева, 1973
2,3	Радимичи (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,3	Северяне	IX–XIII	Алексеев, 1969
2,5	Кривичи ярославские	X–XIV	Алексеева, 1973
2,6	Калитино, Таровицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
2,6	Ожого. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
2,7	Поляне (кладбища)	—	Алексеева, 1973
2,7	Поляне киевские	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,9	Новосиверская-2. Ижорское плато	XIII–XIV	Санкина, 2007
3,1	Старая Рязань	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,1	Новогрудок	XI–XII	Саливон и др., 1976
3,1	Вятичи низовья Москвы и бассейн Пахры	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,4	Селиксенский и Цнинские могильники (объединенная древнемордовская серия)	III–X	Алексеева, 1973; Дебеч, 1948
3,4	Лашковицы. Ижорское плато	XII–XVI	Хартанович, Чистов, 1984
3,6	Витичев	XI	Алексеева, 1973
3,7	Бегуницы. Ижорское плато	XII–XIII	Хартанович, Чистов, 1984
3,9	Кривичи костромские	X–XIV	Алексеева, 1973
4,0	Хрепле. Верхнее Полужье (словене)	XI–XII	Гончарова, 2000
4,0	Старая Ладога	XI–XII	Санкина, 2000
4,2	Кривичи ярославские, костромские, владимирские, рязанские, нижегородские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
4,5	Войносолово. Ижорское плато	XII–XV	Гончарова, 2000
4,5	Конезерье. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
4,6	Ольгин Крест, Криуши, Загривье, Мокредь. Сланцевский р-н Ленинградской обл.	XI–XIV	Алексеева, 1963
4,7	Владимирская, Рязанская, Нижегородская (кривичи)	X–XIV	Алексеева, 1973
5,1	Новинки. Старорусский р-н Новгородской обл.	XI–XIII	Гончарова, 2000
5,5	Нефедьево-Шульгино. Вологодская обл.	XI–XIII	Алексеева и др., 1993
6,4	Вологодская обл.	XI–XIII	Коваленко, 1975

И в мужской, и в женской подгруппах по ряду признаков наблюдается превышение величины стандартного отклонения по сравнению со средними значениями [Алексеев, Дебеч, 1964, с. 123–127].

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

В таблице эти стандартные отклонения выделены жирным шрифтом. Часть же значений квадратичных отклонений меньше средних величин этого признака. Была проведена проверка нормальности распределения признаков с помощью критерия Шапиро — Уилка. Проверка показала, что от нормального распределения в мужской подгруппе отличается только вертикальный фацио-церебральный указатель, демонстрирующий двувёршинность; в женской подгруппе — верхняя высота лица и носовой указатель, что можно объяснить очень небольшой численностью исследованной подгруппы.

Межгрупповой анализ. Для выяснения положения изучаемой серии в кругу территориально и хронологически близких серий был проведен канонический дискриминантный анализ по 12 признакам: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, SS:SC, 77, <Zm', 75(1). Были проанализированы 53 мужских и 50 женских серий. Список сравнительных групп представлен в табл. 2, 3.

Таблица 3

Квадратичные расстояния Махаланобиса между сериями из массового захоронения в Переславле-Залесском и близкими по времени сериями с территории Восточной Европы. Женщины

Table 3

Squared Mahalanobis distances between a series from a mass grave in Pereslavl-Zalesky and series contemporary from Eastern Europe. Women

Квадрат расстояния Махаланобиса	Серия	Датировка, вв.	Автор
-1,1	Озертицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIV	Санкина, 2000
-0,2	Беседа. Ижорское плато (словене)	XII–XIV	Седов, 1952
-0,1	Поляне переяславские	XI–XII	Алексеев, 1969
0,1	Калитино, Таровицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
0,1	Поляне черниговские	XI–XIII	Алексеева, 1973
0,1	Чернигов	XI–XIII	Алексеева, 1973
0,1	Артюшкино, Городня, Рогатино, Торосово, Ущевицы. Ижорское плато (словене)	XII–XIII	Седов, 1952
0,3	Витичев	XI	Алексеева, 1973
0,3	Конезерье. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
0,4	Муранский и др. (средневековая мордва)	X–XIII	Алексеев, 1969
0,5	Лашковицы. Ижорское плато.	XII–XVI	Хартанович, Чистов, 1984
0,7	Волосово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
0,8	Поляне (кладбища)	—	Алексеева, 1973
0,9	Радимичи	XI–XII	Алексеева, 1973
0,9	Ожого. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
0,9	Рутелицы. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XV	Седов, 1952
1,0	Радимичи (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
1,1	Северяне	IX–XIII	Алексеев, 1969
1,2	Словене		Алексеев, 1969
1,3	Волгово. Ижорское плато (с чудским субстратом)	XIII–XIV	Седов, 1952
1,3	Хрепле. Верхнее Полужье (словене)	XI–XII	Гончарова, 2000
1,8	Кривичи ярославские	X–XII	Алексеева, 1973
1,9	Любеч	XI–XII	Алексеева, 1973
2,0	Поляне черниговские	VIII–X	Алексеева, 1973
2,0	Поляне (курганы)	IX–XIII	Алексеева, 1973
2,0	Поляне переяславские	VIII–X	Алексеева, 1973
2,0	Северяне (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,2	Киев	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,2	Поляне киевские	XI–XIII	Алексеева, 1973
2,3	Ярославль (Рубленый город)	XIII	Гончарова, 2011
2,7	Вятчи, верховья Москвы и Истры	XII–XIII	Алексеева, 1973
2,9	Кривичи ярославские, костромские, владимирские, рязанские, нижегородские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
2,9	Войносолово. Ижорское плато.	XII–XV	Гончарова, 2000
3,0	Новосиверская-2 (подгруппа 1). Ижорское плато	XIII–XIV	Санкина, 2007
3,0	Кривичи костромские	X–XII	Алексеева, 1973
3,0	Московская и Рязанская (вятчи)	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,0	Вятчи (курганы)	XII–XIII	Алексеева, 1973
3,1	Нефедьево-Шульгино. Вологодская обл.		Алексеева и др. 1993
3,2	Славенка. Верхнее Полужье	XIII–XIV	Санкина, 2000
3,2	Кривичи смоленские	X–XII	Алексеева, 1973
3,2	Кривичи тверские	X–XII	Алексеева, 1973
3,3	Володино. Ижорское плато (словене)	XI–XIII	Гончарова, 2000
3,6	Ольгин Крест. Криуши, Загивье, Мокредь. Сланцевский р-н Ленинградской обл.	XI–XIV	Алексеева, 1963
3,7	Кривичи смоленско-тверские (курганы)	X–XII	Алексеева, 1973
3,8	Вятчи, низовья Москвы и бассейн Пахры	XII–XIII	Алексеева, 1973
4,0	Дмитров	XII–XVI	Гончарова 2011
4,9	Галич	X–XIII	Рудич, 2011
7,8	Жабино, Загорицы, Смедово, Волковицы. Ижорское плато	XIII–XIV	Седов, 1952
9,7	Новинки. Старорусский р-н Новгородской обл.	XI–XIII	Гончарова, 2000

Результаты анализа мужских серий представлены в табл. 2. После расчета матрицы расстояний Махаланобиса серии были представлены в порядке убывания общего морфологического сходства с анализируемой выборкой из Переславля-Залесского. Минимальные квадратичные расстояния Махаланобиса соответствуют ближайшему сходству между группами. В результате поправки на численность сравниваемых групп [Rightmire, 1969] некоторые значения квадрата расстояния Махаланобиса получаются отрицательными, их следует считать близкими к нулю или очень малыми. Мужская подгруппа из Переславля-Залесского сближается с группами кривичей и курганскими группами полян переяславских. Она наиболее близка к объединенной серии смоленско-тверских кривичей, а также к ранней серии переяславских полян из курганов и серии смоленских кривичей. Чуть дальше отстоит от более поздней серии переяславских полян и серии тверских кривичей. Еще дальше от исследованной группы расположены серии из могильников с чудским инвентарем с территории Ижорского плато Волосово и Волгово, характеризующиеся как чудское население с небольшой славянской примесью [Седов, 1952], а также средневековая мордовская серия.

Результаты анализа женских серий представлены в табл. 3. Женские серии морфологически более близки между собой, если опираться на расстояние Махаланобиса. Исследованная серия наиболее близка к словенским группам с территории Ижорского плато и также сближается с поздними сериями полян переяславских и черниговских. Чуть дальше расположены серии с территории Витичева и Чернигова, а также морфологически неоднородная серия из Конезерья, чуть дальше отстоит серия средневековой мордвы. В отличие от мужской выборки, женская серия из Переславля-Залесского морфологически далека от групп смоленских и тверских кривичей.

Стоит отметить, что и женская, и мужская подгруппы исследуемой выборки морфологически сильно отличаются от территориально и хронологически близкой серии из массового захоронения в Ярославле, а также от костромских и ярославских кривичей.

Обсуждение

Найденное массовое погребение имеет много общих черт с коллективными захоронениями в Ярославле, оставленными после нашествия хана Бату в 1238 г. [Энговатова и др., 2009, 2010, 2012]. Например, захоронение было совершено в не предназначенном для этой цели месте: в подполе сгоревшей постройки. Отмечено значительное количество травм черепа без следов некротического процесса. Исследованные травматические повреждения практически полностью совпадают с повреждениями, обнаруженными во время исследования массовых захоронений в Ярославле [Buzhilova, Goncharova, 2009]. Вместе с останками людей были обнаружены практически полные скелеты домашних животных без следов кулинарной обработки: кости лошадей, коров и собак. Очевидно, подобные захоронения, нарушающие традиции погребения умерших, вызваны необходимостью спешной санитарной очистки территории города.

В отличие от захоронений, найденных в Ярославле, где в некоторых случаях было возможно определить принадлежность костей конкретным индивидам [Энговатова и др., 2012], все кости погребенных были изолированы и находились не в анатомическом порядке. Это может свидетельствовать о том, что костные останки были перезахоронены. Однако факт их захоронения в подполе постройки XIII в. и наличие в погребении костей животных ставят эту версию под сомнение. Можно утверждать, что ко времени захоронения тела практически полностью разложились. Это говорит о том, что с момента смерти до момента перезахоронения прошло довольно много времени, и, возможно, больше, чем в Ярославле. На это же указывает частичное разрушение и оплывание ямы постройки, в которой было обнаружено скопление костей [Зейфер и др., 2019, с. 142; Рассказова и др., 2019].

Расположение и характер захоронения свидетельствуют, что жители города погибли одновременно, в результате военного конфликта. Таким образом, исследованный палеоантропологический материал является одномоментным срезом населения средневекового города.

Помимо коллективных захоронений в Ярославле известны и другие массовые погребения горожан, которые исследователи соотносят с первым монгольским походом на Русь в 1237, 1238 гг. Коллективные захоронения зафиксированы археологами в Изяславле, Киеве и Старой Рязани [Даркевич, Борисевич, 1995; Рохлин, 1965; Хвойка, 1908].

Данные по аналогичным массовым захоронениям в других городах обнаруживают определенную стратификацию в половозрастном составе в разных захоронениях. В одних захоронены в основном мужчины активного возраста — защитники города, в других — женщины, старики и

дети [Даркевич, Борисевич, 1995; Энгватова и др., 2009, 2010, 2012]. В нашем случае изученную серию невозможно трактовать ни как группу защитников города со значительным преобладанием мужчин, ни как женщин, стариков и детей, прячущихся от завоевателей. Скорее всего, попадание индивидов в это погребение носит случайный характер.

Несмотря на сходство захоронения в Переславле с другими массовыми погребениями, мы не можем утверждать, что жители города погибли именно в 1238 г. Наряду с другими городами Северо-Восточной Руси Переяславль в течение XIII–XIV вв. подвергался частым нападениям монголов; особенно разорительными были походы 1252, 1281 и 1293 гг. [Кучкин, 1984, с. 109, 107]. Последнее монгольское вторжение, закончившееся пожаром и гибелью жителей, относится к декабрю 1408 г. [Смирнов, 1996, с. 103].

Результаты краниологических исследований показали превышение величины стандартного квадратического отклонения по ряду признаков и в мужской, и в женской подгруппах. Исходя из особенностей исследованной серии можно не брать во внимание фактор временной изменчивости населения, который играет важную роль при изучении материалов из городских некрополей с долгим периодом существования. Повышенную изменчивость ряда признаков можно объяснить разнородностью городского населения и относительно небольшим объемом выборки для женской подгруппы. Близость исследованной серии к южным группам полян переяславских объясняется политическими и миграционными процессами, происходившими в XII–XIII вв. По мнению ряда исследователей, Юрий Долгорукий стремился создать новую политическую парадигму в Северо-Восточной Руси, называя новый основанный им город-крепость в Ростово-Суздальской земле в честь более древнего Переяславля Русского [Ищенко, 2017, с. 274]. С другой стороны, топонимический перенос названия Переяславля Русского традиционно объясняется миграционными процессами. Например, некоторые исследователи полагают, что под влиянием половецкого давления происходил сдвиг населения южнорусских областей к северу [Кучкин, 1984, с. 74, 75]. Нестабильность политической ситуации могла способствовать добровольному исходу части населения вместе с князем [Kolyubenko, 2016, с. 242] или их насильственному выводу с подвластной/завоеванной территории. Например, в одной из войн с Рязанью в 1208 г. Всеволод Большое Гнездо выводит побежденных в свою землю: «и повеле великий князь всем людям изйти из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град... и взвратися... поимь по собе все Рязанцы» (цит. по: [Комаров, 2018, с. 97]).

Важная роль в становлении древнерусского народа принадлежала городам, они были центрами, собирающими дружинное сословие, торговцев и ремесленников. Городское население формировалось из жителей разных регионов и было неоднородно по этнической структуре [Седов, 1983], но существенная часть населения города обычно принадлежала к племени, на территории которого расположен этот город. Значительное влияние финно-угорского субстрата на формирование особенностей населения Волго-Клязьменского междуречья отмечала в своих работах Т.И. Алексеева, опираясь на данные по группам ярославских и костромских кривичей [1973, 2002]. Об этом свидетельствуют также финно-угорские топонимы, широко распространенные на этой территории [Седов, 2002b, с. 392].

Результаты многомерного межгруппового анализа показывают, что жители города морфологически близки к сериям кривичей и словен, переселявшихся в Ростово-Суздальские земли в X–XI вв., сильно отличаются от восточных групп кривичей и достаточно далеки от финно-угорских групп средневековой мордвы или серий ославяненной чуди. Возможно, здесь прослеживается незначительное влияние древнего мерянского финно-угорского антропологического компонента, но, по данным археологии, в словенской миграции принимала участие и ославяненная чуда [Седов, 2002a, с. 159], поэтому близость этих групп может быть обусловлена также влиянием позднего пришлого населения.

Различное поведение мужской и женской части серии при многомерном анализе можно объяснить относительно небольшим объемом женской выборки, но может быть, это показывает происходившие в тот момент изменения в антропологической структуре населения города, во время которых мужские и женские подгруппы зачастую ведут себя различно [Рассказова, 2019, 2020]. Опираясь на полученные результаты, можно было бы сделать вывод, что к моменту становления города потоки славянских миграций в Суздальскую землю полностью поглотили мерянского население. Однако позднее, в XV в., в мужской части жителей Переславля-Залесского финно-угорский антропологический компонент прослеживается очень четко, и было сделано предположение о переселении сельского населения, сохранившего в себе древний финно-угорский морфологический компонент, в сильно опустевший город [Рассказова, 2020]. Исходя из

этого можно заключить, что население города XIII–XIV вв. отличалось от населения сельской округи, что объясняется особенностями основания и начального бытования городской территории. По материалам археологических раскопок Н.Н. Воронина, выполненных в 1939 г. у стен Спасо-Преображенского собора, был сделан вывод, что постройка собора, а вместе с тем и заложение города происходили на совершенно пустынном и необитаемом берегу р. Трубуж [Воронин, 1961, с. 86–87]. Таким образом, городу не предшествовало какое-либо поселение. Быстрое развитие города в составе Суздальской земли способствовало привлечению торгового и ремесленного населения из других земель.

Выводы

Расположение и характер изученного массового погребения свидетельствуют, что жители города погибли одновременно в результате военного конфликта. Захоронение имеет много общих черт с массовыми погребениями периода монгольских нашествий, найденными в других городах.

Стратификация в половозрастном составе не отмечена. Попадание индивидов в захоронение носило случайный характер. Очевидно, санитарная очистка города происходила спустя значительное время, когда тела успели полностью разложиться.

Результаты антропологического исследования подтверждают археологические наблюдения о влиянии словено-кривичского населения на процесс заселения Ростово-Суздальской земли. На формирование населения Переславля-Залесского наибольшее влияние оказали миграционные потоки ильменских словен и смоленско-полоцких кривичей. Среди особенностей переславской выборки следует отметить также сильное влияние южнорусских переселенцев. Влияние финно-угорской морфологической компоненты на городское население XIII–XIV вв., напротив, очень незначительно.

Финансирование. Работа публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1969. 324 с.
- Алексеева Т.И. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья // Труды ИЭ. Н. С. 1963. Т. 82. С. 122–143.
- Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: МГУ, 1973, 332 с.
- Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского севера: История, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1993. С. 3–78.
- Алексеева Т.И. Антропологическая характеристика восточных славян эпохи Средневековья в сравнительном освещении // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 2002. С. 160–170.
- Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: АН СССР, 1961. Т. 1. 584 с.
- Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № Ru 2016610803. Опубл. 19.01.2016.
- Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России. Антропология. М.: Старый сад, 2000. С. 66–94.
- Гончарова Н.Н. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 202–216.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круг, 1995. 225 с.
- Дяденко В.Д. Разведки и наблюдения за земляными работами в Киеве // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 207–210.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Переславле-Залесском // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2014. Т. 10. С. 304–321.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Рассказова А.В. Средневековый некрополь в юго-восточной части кремля Переславля-Залесского // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2016. Т. 12. С. 342–350.
- Зейфер В.А., Мазурок О.И., Леонтьев А.Е., Столярова Е.К., Сапрыкина И.А. К вопросу об усадебной застройке Переславля-Залесского (Переяславля) в XIII–XV веках (по материалам исследований 2016 года) // Археология Подмосковья. М.: ИА РАН, 2019. Т. 15. С. 132–149.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

- Ищенко А.С.* Переяславль Южный в политической структуре Древней Руси // Древняя Русь: во времени, личностях, в идеях. 2017. № 8. С. 259–278.
- Коваленко В.Ю.* К антропологии курганного населения XI–XIII вв. Вологодской области // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 49. С. 92–107.
- Комаров К.И.* Расселение славян в Верхнем Поволжье // Земли родной минувшая судьба...: К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: ИА РАН, 2018. С. 92–98.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 248 с.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Леонтьев А.Е.*, На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.: Вологда: Древности Севера, 2012. С. 162–177.
- Платонов С.Ф.* (отв.ред). Полное собрание русских летописей. Т. XXIV: Летопись по Типографскому списку. СПб., 1921. 272 с.
- Рассказова А.В.* Краниология населения г. Переславля-Залесского XVI–XVIII вв. // Вестник антропологии. 2019. № 47. С. 72–89.
- Рассказова А.В., Зейфер В.А., Мазурок О.И.* Средневековое массовое захоронение в Переславле-Залесском: Предварительные результаты // VIII Алексеевские чтения: Материалы конф. М., 2019. С. 91–92.
- Рассказова А.В.* Краниология позднесредневекового населения Переславля-Залесского // Вестник МГУ. Сер. 23, Антропология. 2020. № 3. С. 77–89. <https://doi.ru/10.32521/2074-8132.2020.3.077-089>
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. Домонгольский период. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 315–369.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей. М.: Наука, 1965. 304 с.
- Рудич Т.А.* К вопросу об антропологическом составе населения древнерусского города (по материалам из раскопок Галича) // Вестник антропологии. 2011. № 19. С. 182–201.
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 315–369.
- Санкина С.Л.* Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: Антропология. М.: Старый сад, 2000. С. 5–66.
- Санкина С.Л.* Материалы к проблеме заселения Ижорского плато: Могильник Ново-Сиверская-2 // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 202–206.
- Седов В.В.* Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ. 1952. Вып. 15. С. 78–85.
- Седов В.В.* Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне: Материалы сим., посвящ. 1500-летию Киева. Мн., 1983. С. 51–54.
- Седов В.В.* Освоение славянами Восточноевропейской равнины // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 2002а. С. 153–160.
- Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры. 2002b. 624 с.
- Саливон И.П., Тезако Л.И., Микулич А.И.* Очерки по антропологии Белоруссии. Мн., 1976. 128 с.
- Смирнов М.И.* Переславль-Залесский уезд: Краткий краеведческий очерк // Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества. Т. 10. М.: MelanarE, 2004. 55 с.
- Сукина Л.Б.* Переславль-Залесский. М.: Славпринт, 2002. 176 с.
- Хартанович В.И., Чистов Ю.К.* Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л.: Наука, 1984. С. 74–105.
- Хвойка В.В.* Раскопки в Десятиной церкви // Императорская Археологическая Комиссия. 1908. № 26. 128–129.
- Энговатова А.В., Антипина Е.Е., Власов Д.В., Добровольская М.В., Карлухин А.А., Осипов Д.О.* Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле: (Результаты комплексного исследования) // Археология: История и перспективы. Ярославль, 2012. С. 185–208.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Гончарова Н.Н., Бужилова А.П.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле: (Предварительные результаты) // КСИА. 2010. № 224. С. 106–114.
- Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле: Анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68–78.
- Buzhilova A., Goncharova N.* A mass grave from Medieval Russian town: The anthropological evidence of a social catastrophe // Vers une anthropologie des catastrophes: Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne. Editions APDCA, Antibes. P.: Ined, 2009. P. 285–300.

Kolybennko O.W. Переяславль Руський и Переяславль Залесский: Славяно-русские, тюркские и финно-угорские взаимосвязи и параллели // *Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczem do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich.* Bydgoszcz, 2016. С. 233–247.

Rightmire G.P. On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D2) // *American Journal of Physical Anthropology.* 1969. № 30. P. 157–160.

Rasskazova A.V.^{a, b, *}, Zheyfer V.A.^c, Mazurok O.I.^d

^a Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Leninsky prospect, 32a, Moscow, 119334, Russian Federation

^b Research Institute and Museum of Anthropology MSU
Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation

^c Institute of Archeology RAS, Dm. Ulyanova st., 19, Moscow, 117292, Russian Federation

^d Pereslavl-Zalessky Historical, Architectural and Art Museum-Reserve
Museum lane, 4, Pereslavl-Zalessky, 152024, Russian Federation

E-mail: rasskazova.a.v@mail.ru (Rasskazova A.V.); boatswain.72@mail.ru (Zheyfer V.A.);
sfabr2@yandex.ru (Mazurok O.I.)

Medieval mass burial in Pereslavl-Zalessky

The paper presents the results of the anthropological study of a mass grave located in the grounds of the kremlin of Pereslavl-Zalessky (European Russia). It has been preliminary dated to the 13th — first half of the 14th century. This study is aimed at craniological investigation and establishing anthropological connections of the Medieval population of Pereslavl-Zalessky, as well as clarification of the circumstances of appearance of the mass burial within the town territory with the aid of anthropological methods. The human remains were analyzed to identify the number of individuals and to determine their sex and age. Determination of sex and age and recording of injuries were carried out on the craniological material. The craniological program was used to study 28 male and 16 female skulls. A canonical discriminant analysis was used for the intergroup analysis. The mass burial contained separated bones of 80 adults and 19 children. It was possible to identify 30 males and 24 females. The male component of the group was represented by virtually all age groups. The female part comprised mainly women aged 20–35. Therefore, the interred were placed in the grave spontaneously, considerably later after their death; the bodies had time to decompose completely. Eleven instances of skull injuries without signs of necrotic process and healing were recorded. The location and characteristics of the burial and presence of several instances of fatal lacerated wounds indicate that the city residents died in the course of a military clash. Therefore, the studied series represents a time slice of the population of the medieval city. The canonical discriminant analysis on the craniological series of 53 revealed that the studied series is distinct from the territorially and chronologically close series of Yaroslavl and Kostroma Krivichs. It also showed that the formation of the population of Pereslavl-Zalessky was strongly influenced by the migration of the Ilmen Slovens and Smolensk-Polotsk Krivichs. Among the specifics of the Pereslavl series, also noteworthy is the strong influence of southern Russian migrants. On the contrary, the influence of the Finno-Ugric morphological component on the urban population of the 13th–14th centuries was very insignificant.

Keywords: paleoanthropology, craniology, urban population, mass burial, Russians, Medieval cities.

Funding. The work is published in accordance to the RAS Institute of Ethnology and Anthropology research plan.

REFERENCES

Alekseev, V.P., Debec, G.F. (1964). *Craniometry the Methods of anthropological research.* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alexeev, V.P. (1969). *Ethnogeny of Eastern Europe nationalities: (A craniological study).* Moscow: Nauka. (Rus.).

Alekseyeva, T.I. (1963). Some new materials to the craniology of the northwestern regions of Eastern Europe in the Middle Ages. *Trudy Instituta etnografii. Novaya seriya*, (82), 122–143. (Rus.).

Alexeeva, T.I. (1973). *Ethnogeny of East Slavs according to anthropological data.* Moscow: MGU. (Rus.).

Alekseeva, T.I., Makarov, N.A., Balueva, T.S., Segeda, S.P., Fedosova, V.N., Dobrovol'skaya, M.V. (1993). Early steps in colonization of the Russian north: History, anthropology, ecology. In: T. Alekseeva (Ed.). *Ekologicheskiye problemy v issledovaniyakh srednevekovogo naseleniya vostochnoy Evropy.* Moscow: Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 3–78. (Rus.).

Alexeeva, T.I. (2002). Anthropological characteristics of Middle Age East Slavs in comparative coverage. In: T. Alekseeva (Ed.). *Vostochnie slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya.* Moscow: Nauchnyy Mir, 160–170. (Rus.).

* Corresponding author.

Массовое средневековое захоронение в Переславле-Залесском

- Darkevich, V.P., Borisevich, G.V. (1995). *The ancient capital of the Ryazan land*. Moscow: Krug. (Рус.).
- Buzhilova, A., Goncharova, N. (2009). A mass grave from Medieval Russian town: The anthropological evidence of a social catastrophe. In: *Vers une anthropologie des catastrophes: Actes des 9e journées d'anthropologie de Valbonne*. Paris: Ined, 285–300.
- Dyadenko, V.D. (1968). Exploration and observation of earthworks in Kiev in 1967. In: *Arkheologicheskiye issledovaniya na Ukraine v 1967 g.* Kiev, 207–210. (Рус.).
- Goncharov, I.A., Goncharova, N.N. (2016). MultiCan program for analyzing multidimensional data sets using sampling statistics and parameters of the general population (MultiCan). *Svidetel'stvo o gosudarstvennoy registratsii programmy dlya EVM № Ru 2016610803*.
- Goncharova, N.N. (2000). Characteristics of antropological type of Novgorod Slovenes in relation to the questions of their origination. In: T. Alekseeva (Eds.). *Narody Rossii. Antropologiya*. Moscow: Stariy Sad, 66–94. (Рус.).
- Goncharova, N.N. (2011). Formation of the antropological diversity of medieval cities: Yaroslavl, Dmitrov, Kolomna. *Vestnik antropologii*, (19), 202–216. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Antipina, E.E., Vlasov, D.V., Dobrovolskaya, M.V., Karpukhin, A.A., Osipov, D.O. The ninth collective burial in 1238 on the territory of the Rubleny city in Yaroslavl: (Results of a comprehensive study). In: *Arkheologiya: Istoriya i perspektivy*. Yaroslavl, 185–208. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Osipov, D.O., Buzhilova, A.P., Goncharova, N.N. (2010). Mass medieval burial in Yaroslavl: (Preliminary results). *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*, (224), 106–114. (Рус.).
- Engovatova, A.V., Osipov, D.O., Faradzheva, N.N., Buzhilova, A.P., Goncharova, N.N. (2009). Medieval mass graves in Yaroslavl: Analysis of archeological and antropological materials. *Rossiyskaya arkheologiya*, (2), 68–78. (Рус.).
- Ishchenko, A.S. (2017). Pereyasavl Southern in the political structure of Ancient Rus. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, lichnostyakh, v ideyakh*, (8), 259–278. (Рус.).
- Khartanovich, V.I., Chistov, Iu.K. (1984). Antropological composition of the medieval population of the Izhora Plateau. In: *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Severa Yevrazii*. Leningrad: Nauka, 74–105. (Рус.).
- Khvoyka, V.V. (1908). Excavations in the Church of the Tithes. *Imperatorskaya Arkheologicheskaya Komissiya*, (26), 128–129. (Рус.).
- Kolybennko, O.W. (2016). Pereyasavl of Rus' and Pereyasavl Zalesky. Slavic-Old Rus', Turkic and Finno-Ugric relationships and parallels In: T. Maresz, K. Grysińska-Jarmuła (Eds.). *Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczowa do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich*. Bydgoszcz, 233–247. (Рус.).
- Komarov, K.I. (2018). Resettlement of the Slavs in the Upper Volga region. In: A. Chernetsov (Ed.). *Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba...: K yubileyu A.Ye. Leont'yeva*. Moscow: IA RAN, 92–98. (Рус.).
- Kovalenko, V.Iu. (1975). To the antropology of the Kurgan population of the 11th–13th centuries of Vologda region. *Voprosy antropologii*, (49), 92–107. (Рус.).
- Kuchkin, V.A. (1984). Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X–XIV centuries. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Leontiev, A.E. (1996). *Archeology of Merya: Towards the Prehistory of North-Eastern Russia*. Moscow: Geoeko. (Рус.).
- Leontiev, A.E. (2012). On the shores of lakes Nero and Pleshcheyevo In: N. Makarov (Ed.). *Rus' v IX–X vekakh: Arkheologicheskaya panorama*. Moscow: Vologda: Drevnosti Severa, 162–177. (Рус.).
- Platonov, S.F. (Ed.) (1921). Complete collection of Russian chronicles. T. XXIV: Chronicle according to the Typographic list. St. Petersburg. (Рус.).
- Rasskazova, A.V. (2019). Craniology of the population of Pereslavl-Zalesky of the 16th–18th centuries. *Vestnik antropologii*, (47), 72–89. (Рус.).
- Rasskazova, A.V., Zeifer, V.A., Mazurok, O.I. (2019). Mass medieval burial in Pereslavl-Zaleskiy: Preliminary results. In: *VIII Alekseyevskiy chteniya: Materialy konferentsii*. Moscow: Research Institute and Museum of Anthropology, MSU, 91–92 (Рус.).
- Rasskazova, A.V. (2020). Craniological characteristics of the late medieval population of Pereslavl-Zalesky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23, Antropologiya*, (3), 77–89. (Рус.). <https://doi.org/10.32521/2074-8132.2020.3.077-089>
- Rightmire, G.P. (1969). On the computation of Mahalanobis' generalized distance (D₂). *American Journal of Physical Anthropology*, (30), 157–160.
- Rokhlin, D.G. (1965). *Diseases of ancient people*. Moscow: Nauka. (Рус.).
- Rudich, T.A. (2000). To the question of the antropological composition of the population of the ancient Russian city (based on materials from Galich excavations) *Vestnik antropologii*, (19), 182–201. (Рус.).
- Salivon, I.P., Tegako, L.I., Mikulich, A.I. (1976). *Essays on the Anthropology of Belarus*. Minsk. (Рус.).
- Sankina, S.L. (2000). Antropological characteristics of the medieval population of the Novgorod land. In: T. Alekseeva (Ed.). *Narody Rossii: Antropologiya*. Moscow: Stariy Sad, 5–66. (Рус.).
- Sankina, S.L. (2007). Materials to the problem of the settlement of the Izhora plateau: Novo-Siverskaya-2 burial ground. In: Yu. Chistov, M. Rubtsova (Eds.). *Radlovskiy sbornik: Nauchnyye issledovaniya i muzeynyye projekty MAE RAN v 2006 g.* St. Petersburg: MAE RAN, 202–206. (Рус.).

Sedov, V.V. (1952). Anthropological types of the population of the northwestern lands of Veliky Novgorod. *Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*, (15), 78–82. (Rus.).

Sedov, V.V. (1983). The beginning of cities of Russia. In: *Drevnerusskoye gosudarstvo i slavyane: Materialy simpoziuma*. Minsk, 51–54. (Rus.).

Sedov, V.V. (2002a). Settlement by the Slavs of the East European Plain. In: T. Alekseeva (Ed.). *Vostochnie slavyane: Antropologiya i etnicheskaya istoriya*. Moscow: Nauchyj Mir, 153–160. (Rus.).

Sedov V.V. (2002b). *Slavs Historical and archaeological research*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (Rus.).

Smirnov, M.I. (2004). Pereslavl-Zalessky district: Brief local history essay. In: *Doklady Pereslavl'-Zalesskogo nauchno-prosvetitel'nogo obshchestva*. Moscow: MelanarO, 1–55. (Rus.).

Sukina, L.B. (2002). *Pereslavl'-Zalesskiy*. Moscow: Slavprint. (Rus.).

Voronin, N.N. (1961). *Architecture of North-Eastern Russia in XII–XV centuries. Vol. 1*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. (Rus.).

Zeyfer, V.A., Mazurok, O.I., Rasskazova, A.V. (2014). Medieval necropolis of the Church of the Beheading of John the Baptist in Pereslavl-Zalessky. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya*. Moscow: IA RAN, 304–321. (Rus.).

Zeyfer, V.A., Mazurok, O.I., Rasskazova, A.V. (2016). Medieval necropolis in the southeastern part of the Pereslavl-Zalessky Kremlin. In: *Arkheologiya Podmoskov'ya*. Moscow: IA RAN, 342–350. (Rus.).

Рассказова А.В., <https://orcid.org/0000-0002-4107-7923>

Зейфер В.А., <https://orcid.org/0000-0002-7867-545X>

Мазурок О.И., <https://orcid.org/0000-0002-2858-1543>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021